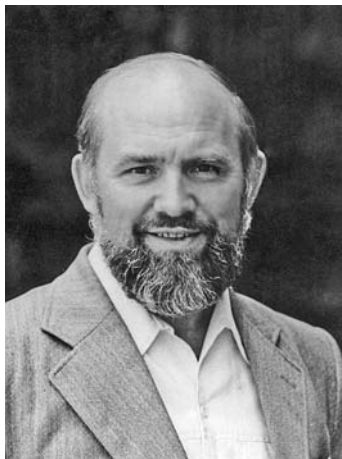

ЛЕОНИД ЛЕВАНОВИЧ

СЕРИАЛ

РАССКАЗ

Бразильско-марокканский сериал “Клон” шел уже второй год. Баба Юэфа — все звали ее Юзюня, — влипла в него, как муха в мед. Она помнила имена почти всех персонажей, они стали будто родными, близкими людьми. Она переживала их беды, как свои собственные, плакала и смеялась, сидя перед экраном телевизора. И виною тому было одиночество: Юзюня — единственный житель небольшой деревушки Жуковка. Когда-то и это селение было людным.

Юзюня вышла замуж в Жуковку после войны, тогда здесь имелось около десятка изб, в каждой — пять-шесть живых душ. Юзюне только что стукнуло девятнадцать, муж Василий был старше на семь лет, успел повоевать. Сначала в партизанах. Потом на фронте. Дошел до Берлина. Вернулся раненым: пуля пробила левую ногу выше колена. Прошла насквозь. Но малость и кость зацепила, потому Василий слегка нахрамывал. Но это не мешало ему крутить вальсы и польки. Любила танцевать и Юзюня. Оба высокие, статные — пара всем на зависть.

Года три у них не было детей. Соседи начали шептаться по зауголью: здоровая девка, а ходит яловкой. Видимо, нагрешила, потому Бог и не дает детей. Вечерами Юзюня плакала в подушку. Шептала молитвы. Василий успокаивал, еще крепче обнимал. И пошли дети: сначала сыновья — один за одним, как боровички в лесу после дождя — ажно четыре ребятенка. А за

ЛЕВАНОВИЧ Леонид Киреевич родился в 1938 году в деревне Клеевичи Могилёвской области. Автор многих книг прозы и публицистики. В 1991 г. в издательстве “Советский писатель” вышла книга повестей и рассказов “Якорь надежды”. Лауреат литературной премии Ивана Мележа и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Живёт в деревне Петрилово Вилейского района Минской области. Родную деревню уничтожил Чернобыль.

ними две дочери. Повеселел Василь. Расцвела материнской красой Юзюня. Василий работал, как вол. От темна до темна — семью ж надо кормить.

Теперь дети звали Юзюню к себе в Минск, в Молодечно и даже в Калининград, где жила младшая дочь. Но ее ответ был таков:

— Пока могу, буду жить в своей хате. Свои углы — самые дорогие. Я сама их с мужем строила. Вы приедете, так и молочка возьмете. И картошину. И яйцо, и гриб. На асфальте этого нет.

Правда, сбыть корову дети уговорили. Юзюня завела коз. Теперь у нее было ладное стадо: трое дойных и пятеро козлят. Козы ходили вслед за хозяйкой по лесу. Она говорила с ними, гладила, ежели которая притискалась к боку. Астра, у которой имелись красивые рога, — две другие козы были безрогие, — торкалась головой под широкую Юзюнину юбку, просила, чтобы ее погладили между рогов.

В тот день с утра дул сильный западный ветер. Юзюня вывела свое стадо на полянку, окаймленную лесом — ветра козы не любят. Особенно — козлята. Был конец августа. Слепни-кровососы уже отпали, задушливая жара ослабевала, ночи подрастали. В лесу было полно грибов — утром Юзюня притарганила целый кош белых, да все красавцы, хоть на выставку. Выросла картошка. Не надо воевать с колорадскими жуками, которые опостытели за лето. Не надо полоть грядки, только знай срывай огурцы да помидоры.

В зеленых березовых косах уже просвечивали желтые пасмы. Приближалось раннее бабье лето. Юзюня любила эту пору года, любила Первую Пречистую, с которой и начинается молодое бабье лето.

Она сидела на старой фуфайке, посматривала на свое стадо, а мысли были в прошлом. Козлята, затеявшие игры, напомнили ее мальчишек, когда они босые носились по двору. “Малые дети Матки Природы резвятся одинаково”, — подумала Юзюня. Почему-то вспомнилась свекровь. Она косилась на невестку-бездетухну. А когда пошли дети, подобрела, старалась помогать по хозяйству, нянчила, растила внуков до самой смерти.

Вспомнился Василий. Молодой, здоровый. Особенно они обжились, когда его назначили бригадиром. Конь в руках. Силенка имеется. Держали двух коров, каждую зиму кололи трех-четырёх кабанов. Очень жалел Василий, что не выучился на агронома, теперь требуют, чтобы бригадиры были с дипломами. Но подкосило Василия не отсутствие диплома или недостатка знаний, а любовь до спиртного. Чарка за чаркой — распился Василий на собачью пугу. Кончилось тем, что с бригадирства его поперли. Он сразу же стал сильнее хромать. Назначили его ответственным за буртовку картошки, свеклы. Всю осень он пропадал в поле. Бывало, и на ночь не являлся: спал в соломе пьяный. А те, кто напоили, всю ночь воровали картошку и свеклу. Сняли его и с этой работы, оформили пенсию по инвалидности. Но здоровье уже было подорвано. Годы через три он ушел из жизни. Осталась Юзюня одна. Правда, еще жили соседи, летом наезжали внуки. Все вокруг гремело и звенело от детских голосов. Для Юзюни это была самая радостная музыка. Постаревшая, высохшая, как стручок фасоли, она дала жизнь шестерым детям, а те народили четырнадцать новых человечков. Они растут, набираются сил. И бабушка Юзюня, как может, помогает им. Поздней осенью приедут сыны, порежут выросших козлят, да и старую Астру пора пустить под нож. На зиму хватит двух коз.

Мысли, будто невидимые красна, сновались в голове. Перед глазами Юзюни словно мелькали кадры ее жизненного сериала. Козы паслись вокруг нее. Рогатая Астра подошла к хозяйке, большими желтыми глазами, как две сливы, уставилась на Юзюню.

— Астрочка, милая, неужто ты догадалась? Живи да радуйся со своими детками. — Юзюня нащупала в кармане хлебный сухарь. Астра ухватила его с ладони, быстро начала жевать. Другие козы потянулись к хозяйке.

— Ну что, мои дорогие, пошли домой. Напою вас. Подою. Будете отдыхать. А я пойду в кино.

Юзюня и себе и козам обычно говорила: пойду в кино, хоть и смотрела сериал в своей избе. Но на этот раз ей действительно пришлось идти.

Тем временем ветер подул сильнее. Листья осин звучно шелестели, трепетались, как живые. Желтые осыпались вниз. Густые, курчавые верхушки

молодых березок склонялись все ниже. Ели да сосны натужно стонали под ветром — сгинаться, шею гнуть эти гордые деревья не умеют, буран ломает их, как спички, или выворачивает с корнем.

Юзюня досмотрела коз. Вошла в избу. До сериала еще оставалось более часа. Включила телевизор. Но он молчал. Щелкнула выключателем — лампочка не загорелась. Электричества не было — видимо, ветер где-то повалил дерево на провода. А как же кино? В прошлой серии Мэл, дочь Лукаса и Маизы, забрали в больницу для наркоманов. Влюбленный в нее сын донны Журя поклялся, что не оставит Мэл. Юзюне особенно нравилась донна Журя, хозяйка небольшого кафе, красивая, дородная, громкоголосая. Нравился и большой любитель танцев Эдвалдо, который, хоть и казался с виду неуклюжим, медведеватым, так легко и красиво танцевал. Он забывал обо всем на свете, только широкая белозубая улыбка сияла на вдохновенном лице. Приглашал на танец всегда Деузу, грациозную мулатку. Она растила сына Лео, который никого не хотел любить, никого не жалел, потому что Лео — Клон.

Не раздеваясь, Юзюня прилегла на диван. За окнами завывал ветер, будто просился погреться у печи, которую утром вытопила хозяйка. “Это ж целый вечер буду сидеть при керосинке. Без телевизора и радио, — подумала Юзюня. — Да слушать, как воеет ветер. А он голосит, словно отпевает покойника”. Грустно, тоскливо стало на душе. А может, сходить до Тэкли в Залесье? До них электрику подают по другой линии. Столбы шагают через поле, как аисты. Тэкли — ее старшая сестра. Жила с дочерью-пенсионеркой. Остальные дети разлетелись по городам. Юзюня частенько навещивалась в Залесье. Носила молоко. Дорога недалеко — три версты лесом. Тэклина корова заболела лейкозом, пришлось ее сдать. Есть телушка, но она молока не дает. Надо идти!

Перед глазами, как живой, явился веселый Эдвалдо. Он обнимал гибкую, как лоза, грациозную Деузу — профессиональная танцовка демонстрировала танец живота. Звучала дивная музыка, раньше Юзюня не слышала такой никогда. В сериале была совсем другая жизнь. Но переживания от любви, тревоги за детей и внуков были такие же, что и на душе одинокой жительницы лесной деревушки.

Юзюня громко смеялась, глядя, как ругаются между собой жены старого Али. Самой скандальной была младшая: она требовала внимания и все новых подарков. Сид Али топал ногами. Вздыхал к небу руки, кричал: “Да сократит Аллах твои дни!” Так тебе и надо, старый хрыч. Разве тебе мало одной жены? Все вы, мужики, кобелюги волоцужные. Думаете, под чужой юбкой найдете нечто другое, более заманчивое...

Об этом думала Юзюня, топя по лесной дороге с литровой банкой молока и ладным кием. Палку она всегда ставила под елью на краю леса: неудобно идти по улице с “попихайлом”.

Тэкли обрадовалась сестре. Поблагодарила за молочко и пригласила к... телевизору.

Серия была очень интересная. Показывали, как Мохамед клялся своей жене, красавице Латифи, что любит только ее. Другую жену брать не собирается. Их дочушка под аплодисменты родителей и гостей исполнила танец живота. Донна Журя настойчиво уговаривала сына не идти к наркоманке Мэл, но тот не послушался, полетел, как на крыльях, спасать любимую. И так это было трогательно, что Юзюня пустила слезу. И Тэкли вытирала глаза платочком.

Серия промелькнула очень быстро. Юзюня начала собираться домой.

— Ну чего ты потянешься? Темнеет уже. Козы твои целы будут, — отговаривала Тэкли. — Оставайся. “Урэмя” посмотрим. Будешь знать, что на свете дется...

— Нет, дорогая, спасибочки. Мое урэмя — идти домой. Дождя нет. А темноты я не боюсь. В городе вечером никуда не пойду. А в лесу все знакомое. Близкое, родное. Помаленьку потопаю.

Тэклина дочь до этого молчала, как стена. А тут сразу отозвалась:

— Счастливо, тетенька. Доброй ночи!

Если б и она предложила остаться, Юзюня, может быть, и не пошла бы домой такой темнотой и ветровеем.

Юзюня подходила к лесу, когда небо на западе осветилось извилистой лентой молнии. Затем вспыхнула другая молния, еще более мощная и яркая. Юзюню удивило, что туча была сверху, а молнии полосовали ее нижний край. Ветер вроде послабел, будто набирался силы, чтобы принести сюда громадную тучу. В тишине послышались отдаленные раскаты грома.

В лесу было темно. Молнии выхватывали из темноты стволы деревьев, переплетенную толстыми корнями, будто канатами, дорогу. Вот и елина, где стояла палка-кий. Вооружившись ею, Юзюня посмелела. Дорога знакомая до каждой выбоинки. До каждого большого дерева. Вот кривая береза, которую высветила молния. Здесь всегда растут белые и лисички.

В верхушках деревьев проснулся ветер. Гром послышался ближе. Светлую полосу над головой вдруг разорвала огненная лента молнии, и в тот же миг ляснул перун, ливанул сильный дождь. Юзюня остановилась, как вкопанная. Она знала, что под высокими деревьями укрываться в грозу нельзя, присела под густой елочкой, сжалась в комок. Опять сверкнула молния, раздался страшный раскат грома, будто земной шар треснул, как лесной орех. На глазах у Юзюни громадное дерево раскололось вдоль наполам, одна часть с треском и стоном рухнула вниз, другая, остроконечная, будто вонзалась в темное небо. Юзюня в ужасе шептала молитву:

— Божечка милосердный! Боженька наивысший! Помоги мне добраться до своей хатины. И сбереги ее от маланки и бури...

Мокрая до нитки, Юзюня ввалилась в свою избу, почувствовала живое тепло печи. Она торопливо переделалась в сухое. Дрожащими руками налила полстакана водки. Зажмурилась и выпила одним духом.

Молнии еще вспыхивали за окном. Но гром уже ворчал глухо, отдаленно. Юзюня залезла на печь. Прижалась к теплой чарени. Хорошо, что розь убрали. А то ливень обмолотил бы, как цепом. А вот картошка, у кого поздняя, так еще подрастет, думала Юзюня, уже засыпая.

Утром все вокруг было набрякшее, насыщенное влагой. Небо высокое, необыкновенно голубое и чистое. Будто ливень выполоскал его до самого дна. Радость жизни царила в природе. Козы жадно стригли траву.

Свет загорелся после обеда. Следующую серию “Клона” Юзюня смотрела в своей избе.

...Поздней осенью, после Покрова, шел я по лесу с корзинкой. В довольно редком, просветленном бору издали увидел высокую сутуловатую женщину с большой корзиной. Это была Юзюня. Сошлись. Поздоровались.

У нее была почти полная корзина грибов: светло-желтые курочки, зеленовато-серые подзеленки. И даже несколько бледно-коричневых боровиков.

— Ого, так еще грибы растут! — удивился я.

— Пусть бы они уже не росли! Устала я собирать. Варить, мариновать. И раздавать уже устала. И сыны уже набрались, и дочери. У субботу, — именно так — “у субботу” сказала она, — приехала дочка. Взяла два трехлитровика и говорит: “Мама, не ходи ты уже по грибы”. Как же я не пойду, если они растут? Вот скоро морозик выскочит, тогда и закрою сезон.

Юзюня скупо улыбнулась, взглянула на мою полупустую корзину.

— Вы ходите под Залесье. Я там не была. Нарезете полный кошик. Грибов хватает. Который это час?

— Без пяти три.

— Почкильгаю домой. Скоро мой сериал. Сяду перед телевизором, как пани. Буду смотреть и перебирать грибы. Переживать за людей, которых у кине показывают. Они такие же, как и мы. Все одинаковое. Только грибы нашенские у них, видно, не растут.

— Конечно. В Бразилии другой климат. Если у нас зима, то у них лето.

— Вот я и говорю. Лучше, чем у нас, нигде нет. Одно плохо: жизнь короткая. Человеческий век, как маков цвет. Только расцвел, глядишь, уже вечер... Но пока живешь, надо варушиться...

Мы простились. Через несколько метров я оглянулся — Юзюня была уже далековато, шла нахрамывая, вдруг наклонилась: пропустить гриб она не могла. Но тут же выпрямилась, прибавила шаг.

Время подгоняло Юзюню. Ее ждал сериал, который притягивал, словно магнит.